

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ТЕОРИИ РЕЧЕВОГО АКТА: ОТ РИТОРИКИ АРИСТОТЕЛЯ К СОВРЕМЕННЫМ ПОЛОЖЕНИЯМ

Аннотация. В статье представлены принципиально новые взгляды на теорию речевого акта. Используя ключевые положения риторики Аристотеля, взгляды классиков античности на языковые средства и методы убеждения аудитории, предлагается расширенное представление понятия «речевой акт», а также взгляд на теорию коммуникации в целом. Современные парадигмы лингвистического знания, как, в частности, когнитивная теория, открывают новые перспективы для переосмысления и дальнейшего изучения классических теорий.

Ключевые слова: теория речевых актов, когнитивный подход, риторика Аристотеля.

© E. Kovaleva

COGNITIVE AND PRAGMATIC ASPECTS OF SPEECH ACT THEORY: FROM THE ARISTOTLE'S RHETORIC PRINCIPLES TO MODERN APPROACHES

Abstract. The article introduces crucially new approaches to the Aristotle's rhetoric theory. It grasps the basics of ancient principles of public speech and highlights the elements of the language means as well as the tools for audience persuasion. The theory of communication fostering the notion of a «speech act» together with the principles of cognitive science opens favorable perspectives for the studies of fundamental speech theory within the frame of modern linguistic paradigms.

Key words: Aristotle's rhetoric theory; the theory of communication; the notion of a «speech act»; the principles of cognitive science.

Трактуя основную задачу риторической науки, Аристотель, древнегреческий философ, живший в 4 веке до н.э., который по праву считается создателем теории риторики, прежде всего говорит о ее практической и прагматической необходимости. В этой связи становится очевидной необходимость обратиться к одной из самых известных его работ – «Риторика» (384-322 до н.э.), где мы читаем следующее: «Риторика полезна, потому что истинное и справедливое по своей природе сильнее своих противоположностей, так что если решения принимаются не должные, то говорящий неизбежно терпит поражение по своей же вине, а это достойно порицания. Кроме того, если бы мы располагали даже самой точной научной истиной, вовсе нелегко убеждать людей, составляя речь на ее основании, потому что речь на основе знания требует обучения всех слушателей, а это невозможно и поэтому приходится создавать убедительность речи общепонятными средствами... относительно обращения ко множеству людей» [2, 10].

Классик античности встраивает риторику в свою иерархию системы наук, отводя ей место среди наук «пойетических», которые пытались описать знание ради творчества. Следует отметить, что, помимо риторики, им была также определена поэтика. Вместе с тем упоминание о риторике как об особой системе правил, норм и принципов построения речи позволяет ученым, специалистам в области языка выйти на но-

вый уровень понимания науки о речемыслительной и коммуникативной деятельности человека в целом.

Обучая риторике питомцев Платона в его Академическом саду (к этому периоду предположительно относится написание диалога «О риторике, или Грил» и первых вариантов его «Риторики»), он, тем не менее, отрицал утверждение Платона и Сократа, что риторика – это только «спорка». Аристотель не соглашается и с Сократом, который пытался заменить риторикой философию. Говоря о неудовлетворенности предшествующих риторических систем, Аристотель делает это в обобщенном виде. Он указывает: «До сих пор те, которые строили системы риторики, выполнили лишь незначительную часть своей задачи» [2, 11].

Аристотель впервые дал научное обоснование ораторскому искусству как особому виду человеческой деятельности, позволяющему управлять поведением людей в обществе. Он определил риторику как науку «о способности находить возможные способы убеждения относительно каждого данного предмета» [2, 34]. Уже впоследствии римский учитель красноречия, основатель первой в истории государственной школы ораторского мастерства, Марк Фабий Квинтилиан, живший в 35-96 годах нашей эры, вслед за Аристотелем укажет: «Риторика была бы наукою весьма лёгкою и маловажною, ежели бы состояла из столь малого числа кратких правил. Нет, в сих правилах многое изменяется, смотря по роду дела, по времени, случаю и нужде» [6 Ч. 1, 136].

Современные учебники, пособия и руководства по риторике пронизаны категориями и понятиями, разработанными Аристотелем. Попытаемся показать, каким образом Аристотелем были определены основные законы и принципы риторики и как они воплощаются в дальнейших построениях современных концепций когнитивной и коммуникативной лингвистики.

До Аристотеля устная речь, на которую была ориентирована в то время древнегреческая традиционная риторика, воспринималась обычно нерасчлененной на ее составные части. Методологически важным вопросом является представление Аристотеля о соотношении части и целого. Эта мысль прослеживается во всей «Риторике».

Понятие «речь» у Аристотеля расчленяется на три составных элемента: на «оратора», «предмет, о котором он говорит» и «лицо, к которому он обращается». Из «элементов речи» Аристотель считает главным слушателя, так как он определяет прагматические параметры выступления, но предмет речи в иерархическом плане выше ввиду того, что именно предмет речи составляет разумное, смысловое начало общения. Понять такой порядок можно, если учесть, что Аристотель оценивает выше обычно те понятия, которые ближе к «разуму». Это и объясняет первичное положение «предмета» речи, который «усматривают» оратор и слушатель, занимающие в гносеологическом плане разноуровневые позиции. Очевидно, что каждый из элементов важен для ученого в отдельности, но ни одна из описанных сторон не существует отдельно от других элементов.

В научных целях подобный аналитический подход стал необходим; он позволил рассмотреть каждую из этих частей в отдельности, а речь в целом – как их сложное взаимодействие.

Следует заметить, что в основу теории Аристотеля было положено описание коммуникативного процесса как системы, включающей в себя три основных элемента: оратор – сообщение – аудитория. Анализ каждого из элементов и их взаимодействия и составляет классическую теорию ораторской речи. Многочисленные современные модели коммуникативного акта, приводимые в трудах американских авторов, представляют собой разработку и усложнение общей схемы Аристотеля с использованием современной математической модели коммуникации К. Шеннона. [14. 24-25].

Отечественный ученый Р.О. Якобсон предложил схему, где описаны компоненты акта коммуникации, которым соответствуют отдельные речевые функции языка, и его модель включает адресанта (отправителя) и адресата (получателя) информации, но предмет речи специфицируется целым рядом компонентов, которые представлены на рис. 1:

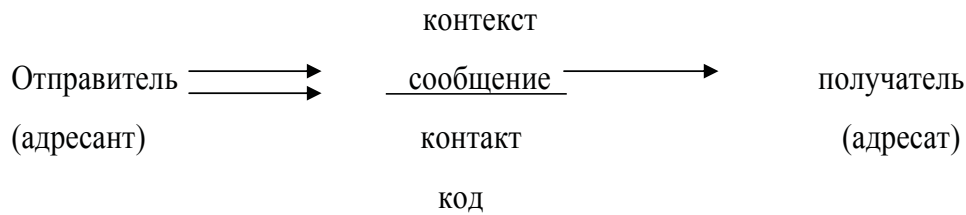

Рис. 1

Современное понимание дискурса и лежащих в основе текстов строится как на аристотелевском понимании языкового процесса, так и на более современной модели, предложенной К. Шенноном и усовершенствованной Р.О. Якобсоном. Это понимание различается по формальным и содержательным характеристикам, что имеет непосредственную зависимость от коммуникативной функции и прагматических целей высказывания. Цели дискурса зависят от таких факторов языкового процесса, как говорящий, слушающий, сообщение и языковой материал (то есть текст). Риторика описывает язык в целом, в широком смысле и относится к модусам дискурса, реализуемого через различные типы текстов: нарративное описание, экспозицию, аргументацию [15, 3-4]. Она соотносится с коммуникативными функциями как риторическими стратегиями.

Следующий аспект, касающийся размышления Аристотеля о том, что собой представляет оратор и каким он должен быть, рассматривается великим теоретиком риторики отдельно. Оратор должен был показать себя «человеком определенного склада и чтобы слушатели поняли, что он соответственно к ним относится, и сами к нему отнеслись так же» [1, 11]. Для древних греков само собой разумеется, что оратор владеет материалом, прекрасно знает суть дела. Задача говорящего состояла в том, чтобы выделить и соотнести общие вопросы и конкретные факты, правильно определить спорный пункт, основной вопрос и на нём сосредоточить внимание. В зависимости от типа вопроса (статуса) определялась тактика. Оратор мог доказывать, например, что факта не было или что дело происходило иначе, не так, как описал его противник, он мог, признав факт, утверждать, что такие-то действия, поступки оправданы практикой, обычаем, моралью и т. д. Все возможности были изучены, расклассифицированы, подробно описаны, проиллюстрированы различными примерами (см., например, «Риторику» и «Тонику» Аристотеля) [8, 28].

Указанные аспекты имеют отношение к языковой вариативности дискурсов, которые в зависимости от интенциональных и экстенциональных параметров своего функционирования указывают на ситуативные характеристики дискурса, а именно регистры и жанры описания.

Поскольку основной метод риторики связан со способами убеждения, то убеждение представляет собой некое доказательство, ввиду того, что слушателя можно убедить, только если он согласен с доказательствами. Итак, риторическое доказательство – энтимема – это некий силлогизм. Он является самым важным способом убеждения. Аристотель указывает на то, что «рассмотрение силлогизмов вообще – задача либо диалектики в целом, либо какого-нибудь из ее разделов, поскольку ясно, что тот, кто понимает, из каких частей и как составляется силлогизм, лучше сумеет использовать энтимемы, особенно же если учитывает, к чему относится та или иная энтимема, а также чем она отличается от собственно логических силлогизмов, ибо благодаря одной и той же способности мы

понимаем и что есть истина, и что есть подобие истины, а так как люди от природы стремятся к истинному и в основном находят истину, то и к постижению общепризнанного более склонны» [2, 12].

Автор речи привлекает внимание слушателей к описываемой области знания, убеждает их в своей правоте, склоняет слушателей на свою сторону, используя определенные, лексические единицы и синтаксические обороты.

Исходя из общеизвестного постулата, что «конечной целью риторического искусства является принятие решения», следовательно, по мнению Аристотеля, «необходимо заботиться не только о том, чтобы речь была доказательной и вызывающей доверие, но и о том, чтобы выгодно подать себя самого» [2, 27].

Искусство оратора состоит также в том, считали древние, чтобы быть правильно воспринятым, так как часто одно и то же слово «в устах одного почитается откровенностью, у другого безрассудством, у третьего наглостью» [6, Ч. 2, 75].

Представленные аспекты явно указывают на функции каждого из компонентов коммуникативного процесса, которые попадают в фокус лингвистического исследования. Говорящий выражает экспрессивную функцию, а его речь направлена на слушателя, следовательно, в данном случае проявляется функция убеждения или воздействия; мир фактов, имеющий отношение к окружающему миру и ситуациям, выражает референциальную функцию.

Следует заметить, что в ряде работ М.М. Бахтина, освещавшего вопросы философии риторики, мы находим подтверждение нашей гипотезы о неразрывности смысла и риторического действия (в терминологии Бахтина – поступка). Он пишет, что «...истинно реален, причастен единственному бытию-событию только акт в его целом, ...но эта приобщенность не проникает в его содержательно-смысловую сторону...» [11, 36]. Вслед за Бахтиным, И.В. Пешков рассуждает о проблеме, которая «...возникает немедленно: как рождается мысль? В качестве независимого от человека смысла, как данное традицией общее место культурной области или как нечто единственное и конкретное? Тройственное разделение смысловых областей – наука, искусство, история – как-то соотносится с типологией речи по Аристотелю: прошлое (история), будущее (искусство), настоящее (наука)» [12, 37].

В этой связи мы не можем не говорить о «деятельностных представлениях языка», одной из самых популярных среди которых явилась теория речевых актов. Ядро теории составляют идеи Дж. Остина, развитые впоследствии Дж. Серлем и П.Ф. Стросоном. И.М. Кобозева указывает на важность теории речевых актов, приводя теории и концепции, предметом изучения которых также явилась речевая деятельность индивида [7, 9]. Здесь нельзя не вспомнить о лингво-философской концепции В. фон Гумбольдта, теории языка и речи А. Гардинера, теории высказывания М.М. Бахтина, психо-лингвистической концепции речевой деятельности Л.С. Выготского – А.А. Леонтьева, теории аргументации, концепции «анализа диалога» («conversational analysis»), сложившейся в рамках социолингвистики, процессуальной семантике, возникшей в контексте создания систем человеко-машинного общения. По замечанию И.М. Кобозевой, теория речевых актов «уловила и раскрыла тот важный аспект речевой деятельности, который в других деятельностных концепциях не получил должного освещения» [7, 8].

Представленный Дж. Остином как трехуровневое образование (локутивный, иллюкутивный и перлокутивный), речевой акт объединяет в себе как языковые средства, используемые говорящим, цель высказывания и результат высказывания [11, 90]. Перлокуция в данном трехчленном единстве выступает как воздействие речи на мысли и чувства аудитории и посредством этого воздействие на дела и поступки людей – это тот аспект речевого акта, который выделял Аристотель в своей теории риторики.

Основной концептуальной предпосылкой данной теории является углубление представления о смысле и значении языковых выражений. «Язык представляется в теснейшей связи с теми не собственно речевыми действиями, в которые он вплетен» [7, 10]. Объясняя в своих работах целый ряд понятий, связанных с термином «значение», Г.П. Грайс говорит о его непосредственной связи с намерением и полаганием [3, 97]. Только анализ связи интенционального и экстенционального, способен, на наш взгляд, помочь достичь понимания законов и механизмов функционирования языка.

Непосредственно переключаясь с теорией риторики Аристотеля, принимается подход к речевому акту как способу достижения человеком определенной цели и рассмотрение под этим углом зрения используемых им языковых средств. «Целью речевого общения является максимально эффективная передача информации; все построение должно быть обобщено в применении к таким общим целям, как воздействие на других людей, управление их поведением и т. п.» [4, 224]. В своей теории Г.П. Грайс активно развивал принцип оперирования «коммуникативными импликатурами» и говорил о них как о компонентах смысла, «существование которых следует предположить, чтобы сохранить Принцип Кооперации» между говорящим и слушающим [4, 236].

Основные идеи основоположников и разработчиков теории речевых актов (Дж. Остина, Дж. Серля, П.Ф. Стросона), теории «кооперации» между говорящим и аудиторией (Г.П. Грайс) развиваются учеными-когнитивистами. Так, В.З. Демьянков говорит о связи в речевом акте вербального и невербального поведения, а также считает, что речевой акт связан с понятием «фрейма» (одним из базовых понятий в когнитивной лингвистике) в некоторых концепциях моделирования речевой деятельности. М. Минский впервые стал использовать понятие фрейма при изучении зрительного узнавания и репрезентации знания. Термин «фрейм» стал использоваться для обозначения принципа организации, который, с одной стороны, лежит в основе репрезентации знания, а с другой стороны – семантической репрезентации [13, 109]. «Имеются «ритуальные» последовательности речевых актов, интерпретируемые на основе знаний о мире и привлекающие для своей интерпретации метаусловия (связанные с установлением того, в контексте какого фрейма мы находимся в данный момент, то есть с выбором фрейма), а также опирающиеся на предшествующие, настоящие или будущие действия коммуникантов» [5, 226].

Необходимо также отметить, что привлечение когнитивно-дискурсивного «инструментария» чрезвычайно расширяет наше толкование теории риторики Аристотеля, представление о риторическом воздействии, выводя на уровень понимания текста со всеми его содержательно-структурными характеристиками, на уровень анализа речемыслительной деятельности человека говорящего и его связи со слушающим.

Понимание данной деятельности человека невозможно вне когнитивно-дискурсивной парадигмы. Исходя из определения дискурса, предложенного Е.С. Кубряковой, он является «такой формой использования языка в реальном времени, которая отражает определенный тип социальной активности человека, создается в целях конструирования особого мира (или – его образа) с помощью его детального языкового описания и является в целом частью процесса коммуникации между людьми, характеризуемого, как и каждый акт коммуникации, участниками коммуникации, условиями ее осуществления и, конечно же, ее целями» [9, 525].

Формирование дискурса, согласно замечанию Л.В. Правиковой, «осуществляется с опорой на концептуальный фрейм, в котором отбор и аранжировка содержания происходит на основе критерия релевантности. Принцип релевантности объясняет, почему одни аспекты действительности входят в качестве строительного материала в дискурс, а другие оказываются неприемлемыми, нерелевантными для построения конкретного типа дискурса. Концептуальное пространство фрейма и, соответственно, дискурс вклю-

чает отношение коммуниканта к содержанию пропозиции, т. е. модальность дискурса, и средства обоснования его релевантности посредством аргументации» [13, 118]. По мнению Л.В. Правиковой, сама идея фрейма восходит к кантовскому понятию «схема», которая связывала чувственное восприятие и познание. В лингвистике это понятие получило наиболее полное развитие в контекстуальном анализе человеческого дискурса [13, 109].

О когнитивной «картине речи» говорит О.В. Александрова, анализируя когнитивно-прагматические особенности построения различных типов дискурса, отмечая, что «устная речь дает возможность использовать большее количество средств воздействия», среди которых ученый отмечает варьирование конструкций высказывания и определенную фразировку дискурса; а также данные средства «играют решающую роль в определении когнитивной принадлежности высказывания» [1, 82].

Исходя из этого, нельзя не согласиться с мнением Л.А. Манерко, которая считает, что «будучи довольно сложным и многоаспектным понятием, картина мира состоит не только из значений, облеченных в фиксированную форму, но из значений, извлекаемых из языковых форм, которые задают образцы интерпретации воспринимаемого» [10, 389]. «Структура знания в целом может быть представлена как система пересекающихся фреймов, покрывающих разнообразные концептуальные сферы» [10, 405].

Таким образом, можно предположить, что определение коммуникативных и когнитивных законов риторического воздействия дает нам возможность получить представление о функционировании процессов интегрирования ментальных пространств автора выступления и аудитории/читателя, на которых это воздействие направлено.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Александрова О.В. Когнитивно-прагматические особенности построения дискурса в средствах массовой информации // О.В. Александрова. Текст и дискурс. Сб. науч. трудов. – Рязань, 2002.
2. Аристотель Риторика. Поэтика / Аристотель. – М.: Лабиринт, 2005.
3. Грайс Г.П. Значение говорящего, значение предложения и значение слова / Г.П. Грайс // Философия языка. Ред. Дж. Серль. – М.: УРСС, 2004.
4. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Г.П. Грайс / Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVI. – М.: Прогресс, 1985. – С. 217-237.
5. Демьянков В.З. «Теория речевых актов» в контексте современной зарубежной лингвистики // В.З. Демьянков / Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVII. – М.: Прогресс, 1986. – С. 223-234.
6. Квинтилиан М.Ф. Двенадцать книг риторических наставлений. Пер. с лат. Росс. Акад. членом А. Никольским / М.Ф. Квинтилиан. – Изд. 4 1-2. – СПб., 1834.
7. Кобозева И.М. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности // И.М. Кобозева / Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVII. – М.: Прогресс, 1986.
8. Ковалева Е.И. Традиции античной риторики в американском политическом дискурсе / Е.И. Ковалева. – Пенза: Облиздат, 2004.
9. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004.
10. Манерко Л.А. Концептуальная модель пространственного дискурса // Л.А. Манерко / С любовью к языку: Сб. науч. трудов. Посвящается Е.С. Кубряковой. – М.-Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский государственный университет, 2002.
11. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике / Дж. Остин. – Выпуск XVII. – М.: Прогресс, 1986.

12. Пешков И.В. М.М. Бахтин: от философии поступка к риторике поступка / И.В. Пешков. – М.: Лабиринт, 1996.

13. Правикова Л.В. Современная теория дискурса: когнитивно-фреймовый и аргументативный подходы/ Л.В. Правикова. – Пятигорск: ПГЛУ, 2004.

14. Mc Grosky, J.C. An Introduction to Rhetorical Communication/ J.C. McGrosky. – Englewood Cliffs. New Jersey, 1972.

15. Kinneavy J.L. A theory of discourse: the aims of discourse/ J.L. Kinneavy. – New York: Norton, 1980 [1971].